
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. ГОРЬКИЙ И Д. БУРЛЮК: ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2009 г. Н. Н. Примочкина

В статье рассматриваются личные и творческие связи М. Горького с русскими футуристами и прежде всего – с “отцом российского футуризма”, поэтом и художником Д. Бурлюком. Впервые публикуются письмо Бурлюка Горькому и пометы писателя на книге Бурлюка “Толстой. Горький: Поэмы”.

The paper is concerned with Gorky's personal and literary relations with Russian Futurists and with “the father of Russian Futurism”, the poet and artist David Burliuk, in particular. Burliuk's letter to Gorky and the latter's marks in Burliuk's book “Tolstoy. Gorky: Poems” are published for the first time.

Тема “Горький и футуризм” обычно рассматривалась в отечественном литературоведении в связи с исследованием личных и творческих отношений писателя с “ведущим поэтом советской эпохи”, бывшим футуристом, В. Маяковским. При этом другие достаточно яркие фигуры этого объединения, как правило, оставались в тени. И уж совсем “запретной” в советские годы была тема литературных связей “первого пролетарского писателя” с теми из них, кто волею судеб оказался после Октября за рубежом на положении эмигранта. Мы имеем в виду одного из родоначальников русского футуризма, талантливого поэта и профессионального художника Д.Д. Бурлюка. Несмотря на “левизну” его взглядов и убеждений, несмотря на его страстную, искреннюю поддержку большевистской революции, на родине он на долгие годы был вычеркнут из истории русского искусства, обречен на полное забвение. При этом в США, где он обосновался с начала 1920-х гг., Бурлюк вел активную творческую жизнь: сделал себе имя как художник, издавал книги стихов и прозы, воспоминания.

Бурлюк был одним из главных организаторов, вдохновителем и “локомотивом” созданной в начале 1910-х гг. группы кубофутуристов, в которую вошли В. Маяковский, В. Хлебников, В. Каменский, А. Крученых, Б. Лившиц. Почти все из названных поэтов учились рисовать, некоторые, и среди них прежде всего Бурлюк, стали талантливыми художниками. На их эстетику и поэтику оказала сильное влияние современная авангардная живопись.

Именно Бурлюк написал первый вариант знаменитого Манифеста футуристов, который затем, после коллективной доработки, вошел в сборник “Пощечина общественному вкусу” (1912). Как известно, футуристы собирались “бросить” с “Парохода Современности” классиков русской литерату-

ры – Пушкина, Достоевского и Толстого. Супруга Бурлюка, М.Н. Бурлюк, позже вспоминала: “Когда предлагали включить имя Максима Горького, Давид Давидович протестовал, указывая на важность для века, как писателя-пролетария” [1, с. 276–277]. Это же подтверждает в своих мемуарах и сам Бурлюк: “А.М. Горького не трогали – свой” [1, с. 48].

Горький с интересом, но и некоторой опаской присматривался к молодым поэтам-бунтарям. В его личной библиотеке сохранились почти все первые сборники футуристов: “Садок судей”. Сб. 2-й (СПб., 1911), “Пощечина общественному вкусу” (М., 1912), “Стрелец” (Пг., 1915), “Ржаное слово: Революционная хрестоматия футуристов” (Пг., 1918), “Газета футуристов” (1918. № 1) и др. Личное знакомство Горького с руководителями этого сплоченного объединения состоялось в феврале 1915 г. И первым из футуристов, кому удалось лично пообщаться со знаменитым писателем, был Давид Бурлюк. В начале февраля он вместе с другом юности художником И.И. Бродским поехал на дачу Горького в Мустамяки. Горький показал им свои коллекции старинного оружия, древней японской резьбы, французских медалей. Они вместе гуляли, ужинали. Перед уходом Бурлюк попросил у Горького автограф, и тот написал в его альбом одно из своих любимых изречений: “Они свое, а мы свое”. “Этой характерной фразой, – разъяснял позже Бурлюк, – Горький как бы подчеркивал важнейшее во впечатлениях первого дня моего знакомства с ним” [1, с. 94].

Через несколько дней вместе с В. Каменским Бурлюк был у Горького на петроградской квартире. После завтрака они втроем поехали на выставку “Мира искусства”. «Горький долго стоял, – вспоминал Бурлюк, – перед моими большими этюдами южнорусских степей. “Да, очень хорошо!” – сказал Алексей Максимович» [1, с. 94]. Горькому были хорошо знакомы бескрайние степные пейзажи юга

России, по которому он прошел в молодости пешком. Один из понравившихся писателю этюдов он, вероятно, на этой выставке приобрел, для себя. Об этом позже вспоминал сам Бурлюк: “В 1907 году, на юге России <...> писал этюды (один у Максима Горького...)” [1, с. 28].

Спустя еще несколько дней, 25 февраля 1915 г. Горький вместе с Бурлюком и Каменским поехал в литературно-артистическое кабаре “Бродячая собака” на вечер футуристов, посвященный выходу в свет сборника “Стрелец”. Выход этого солидного сборника, где участвовали наряду с футуристами самые именитые поэты того времени: А. Блок, Д. Бурлюк, В. Каменский, А. Крученых, М. Кузмин, Н. Кульбин, Б. Лившиц, В. Маяковский, А. Ремизов, Ф. Сологуб, В. Хлебников и др., – свидетельствовал о признании русского футуризма петербургской художественной элитой. «Это был тот знаменитый вечер, – вспоминал Бурлюк, – когда с участием видных петроградских критиков там происходило собеседование о футуризме. Горького некоторые из услышанных им реплик привели в негодование. Он произнес пылкую, резкую речь, направленную против критики, приемы которой напоминают манеры тюремщиков, палачей, охранников, и это ... “против молодой русской литературы, против ее талантливых представителей, против тех, кто ищет, а следовательно, и творит. Да будет вам стыдно”, – закончил Горький. Критики почтительно молчали. Но на другой день вся пресса кипела шипением маленьких ядовитых анонимных змеек <...> Через некоторое время Горький ответил письмом <...> В нем Горький писал приблизительно следующее: “Можно не признавать футуризма, но нельзя не указать, что самыми талантливыми в молодой русской литературе, несомненно, являются Маяковский, Каменский, Северянин и Бурлюк”...» [1, с. 94–96].

Письмо Горького о футуризме, о котором упоминает Бурлюк, появилось в начале апреля в первом номере еженедельного “Журнала журналов” за 1915 г. Вот что ответил Горький на многочисленные вопросы прессы по поводу его мнения о новом литературно-художественном течении в русском искусстве: “Русского футуризма нет. Есть просто Игорь Северянин, Маяковский, Бурлюк, В. Каменский. Среди них есть несомненно талантливые люди, которые в будущем, отбросив плевелы, вырастут в определенную величину <...> Их много ругают, и это несомненно огромная ошибка. Не ругать их нужно, к ним нужно просто тепло подойти, ибо даже в этом крике, в этой ругани есть хорошее: они молоды, у них нет застоя, они хотят нового свежего слова, и это достоинство несомненное. Достоинство еще в другом: искусство должно быть

вынесено на улицу, в народ, в толпу, и они это делают, правда, очень уродливо, но это простить можно. Они молоды... молоды <...> Я только недавно увидел впервые их живыми, настоящими, и, знаете, футуристы не так уж страшны, какими выдают себя и как разрисовывает их критика. Вот возьмите для примера Маяковского – <...> он криклив, необуздан, но у него несомненно где-то под спудом есть дарование. Ему надо работать, надо учиться, и он будет писать хорошие, настоящие стихи <...> Как бы смешны и крикливы ни были наши футуристы, но им нужно широко раскрывать двери, широко, ибо это молодые голоса, зовущие к новой жизни” [2, с. 3–4].

Поддержка, оказанная Горьким молодым поэтам, произвела на них огромное впечатление. Бурлюк, например, помнил о ней всю жизнь.

Следующая встреча Бурлюка с Горьким состоялась в сезон 1916–1917 гг. «В это время, – вспоминал поэт, – Горький увлекался Маяковским. Он издал в “Парусе” “Простое как мычание”, а в журнале “Летопись” печатал его “Войну”. Я приехал из Самары в Москву. Маяковский повел меня к Горькому, остановившемуся в Славянском базаре. Алексей Максимович встретил нас очень приветливо. Вечером Горький заехал на выставку “Бубновый Валет”. Он внимательно смотрел мою большую картину “Татары. 1224 год” (пир победителей на трупах побежденных): – Страшную картину Вы, Давид Давидович, написали...» [1, с. 96–97].

Следует добавить, что художник в том же 1916 г. написал еще ряд полотен: “Страшный неустойчивый бог войны”, “Люди каменного века”, картины, изображавшие беженцев. Все эти произведения, по собственному признанию художника, были вызваны чувством протеста против “кошунственной кровавой бани мировой войны” [1, с. 125].

Вероятно, новые работы Бурлюка привлекли Горького, помимо их художественной силы, именно своим антивоенным пафосом. Ведь писатель воспринял войну 1914 г. как личную и мировую катастрофу, как крушение всех своих надежд на культурное, духовное объединение народов Европы и России, веры в торжество планетарного Разума и солидарность рабочих мира. В борьбе против ура-патриотических выступлений Н. Бердяева, В. Розанова, Е. Трубецкого, С. Булгакова и других известных русских мыслителей, прославлявших войну как благо для России, Горький видел в футуристах, с их антивоенными протестами, своих единомышленников. Именно поэтому он напечатал части из поэмы Маяковского “Война и мир” в своем антивоенном журнале “Летопись”.

Последний раз Бурлюк виделся с Горьким 3 апреля 1917 г. во время чествования финских

художников. И. Бунин, также присутствовавший на этих мероприятиях, но, в отличие от Горького, отнюдь не благоволивший русским футуристам, так описывал этот день в письме к жене от 5 апреля 1917 г.: «На другой день был на открытии финляндской выставки. Много народу, музыка, речь Милюкова о новой жизни финнов – хорошо и просто говорит, речь Родичева – деланная, страстная и сильная <...>, речь Брешковской, краткое и серьезное слово Веры Фигнер, десять слов Горького: “Я знаю только 4 слова по-фински: (Да здравствует Финляндия) – (что-то неудобопроизносимое)”. <...> После выставки поехал к Горькому. <...> Вечером – банкет в честь финнов у Донона, человек 200. Сидел в конце стола, где был Горький, Гржебин, Тихонов, некий Десницкий, <...> Зданевич, Маяковский и Бурлюк. После банкета были в подвале “Бродячей собаки” или “Привала комедиантов”. Были все вышеперечисленные. Дикий гам, жара, лютая наглость Зданевича, Маяковский орал...». (Цит. по: [3, с. 432–433]).

Дальнейшие события – Октябрьская революция и Гражданская война – разбросали в разные стороны прежде сплоченную группу футуристов. Бурлюк в 1918 г. уехал из столицы и, кочуя по городам Сибири, добрался до восточных границ России, некоторое время жил в Японии, а затем окончательно поселился в США. На родине его числили эмигрантом, но сам себя он считал представителем Русской революции на Западе, носителем и глашатаем ее идей. Он безоговорочно принял Октябрьский переворот, его разногласия с большевиками носили не столько политический, сколько эстетический характер. Он ратовал за полную свободу творчества и претендовал, наряду с другими футуристами, на роль создателей подлинно революционного искусства.

Бурлюк сильно тосковал по родине, в течение многих лет безуспешно пытался наладить культурные контакты с социалистической Россией. Горький стал для него, как для многих представителей русского зарубежья, символом некоего “моста”, с помощью которого можно осуществить возжеленное духовное воссоединение с родиной.

Правда, в первые послереволюционные годы Бурлюка, как и других бывших футуристов, вероятно, сильно смущало положение Горького – полуэмигранта. Как известно, писатель уехал из России в 1921 г. глубоко разочарованным проводимой большевиками политикой, очень сердитым на новую власть и бывшего друга – Ленина. В партийной прессе его позиция противника красного террора подвергалась жесткой критике. Поэтому футуристы, сознательно пошедшие на службу новой власти, в том числе и Бурлюк, воспевавший из-за кордона

Великий Октябрь и великого вождя пролетариата, не стремились в первые годы жизни Горького за границей поддерживать с ним контакты.

Положение начало меняться в 1925 г., когда писатель поддержал Резолюцию ЦК ВКП(б) “О политике партии в области художественной литературы”, начал активнее печататься в советских изданиях и писать своим многочисленным корреспондентам о скором возвращении на родину. Летом Горького посетил советский посол в Италии. Изменился по отношению к нему и тон официальной партийной прессы. За всеми этими изменениями чутко следили бывшие футуристы. Маяковский в знаменитом стихотворении “Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому” (1926) прямо признался: “Я знаю – Вас ценит и власть и партия, Вам дали б все – от любви до квартир” [4, с. 210].

Первым из бывших друзей-футуристов решил наладить прямой контакт с Горьким В. Каменский, написавший ему в Италию. Горький ответил 15 мая 1926 г.: “Дорогой Василий Васильевич, очень обрадован Вашим письмом, столь же приятным для меня, как и неожиданным” [5, с. 465]. Он назвал Каменского “своеобразнейшим писателем” и попросил прислать его новые книги: “Приключения Харта-Джойс”, “Пугачев”, “Козий загон” – и стихи. Некоторые из указанных в письме книг Каменский выслал Горькому с самыми теплыми дарственными надписями, выражающими любовь и уважение к писателю [6, № 1056, 1058].

Вслед за Каменским попытался восстановить связь с Горьким его бывший “фаворит” в группе футуристов В. Маяковский. Однако еще в годы революции между ними произошла личная, бытовая ссора, которая надолго испортила их отношения (см. об этом [7, с. 145–149]). Маяковский знал об отрицательных отзывах Горького о нем самом и созданной им группе “Леф”. О том, что Горький воспринимал Маяковского как знамя неприемлемой для него школы русского авангарда и голого художественного экспериментаторства, свидетельствует, например, его письмо Ф.А. Брауну от 21 июня 1923 г.: “Текущая литература в России, – с тревогой констатировал Горький, – вся в руках таких авантюристов, как Пильняк, Маяковский и т.д.” [8, ПГ рл-6-35-2]. Поэтому Маяковский избрал жанр упомянутого выше открытого стихотворного обращения, в котором попытался откровенно поговорить с живущим в Италии писателем. Но ответа на это послание, напечатанное в первом номере журнала “Леф” за 1927 г., он так и не получил. Вероятно, Горького только еще более раздражили и оскорбили содержащиеся в стихотворении многочисленные упреки и поучения в его адрес.

В это же примерно время с Горьким попытался установить прямой контакт и Д. Бурлюк. В 1926 г. он послал писателю из далекой Америки свои книги, вышедшие за границы. Возможно, это были сборник статей Бурлюка за 1898–1923 гг. “К 25-летию литературно-художественной деятельности” (Нью-Йорк: Русский голос, 1924) и книга очерков о жизни в Японии “Восхождение на Фудзи-сан” (Нью-Йорк: изд. М.Н. Бурлюк, 1926) [6, № 2862, 2860]. Весной 1927 г. Бурлюк вновь послал Горькому свои новые, проиллюстрированные им самим книги, в которых отразились его впечатления от пребывания в Японии. Дарственная надпись на книге “По Тихому океану” (Нью-Йорк: изд. М.Н. Бурлюк, 1927) являлась, по сути, письмом Горькому:

«Максиму Горькому с глубоким уважением – привет из Америки. Многоуважаемый Алексей Максимович! Получили ли Вы мои книжечки, посланные Вам ранее? Я любовался снимком с <ашего> портрета, написанного Б. Григорьевым. Примите на память эти записи о путешествии и снимки с моих картин, Вы ведь были когда-то владельцем моей “лужи”¹.

С приветом: David Burliuk» [6, № 2859].

Горький ответил 6 мая 1927 г. Письмо его выражало искреннюю радость по поводу восстановления былых связей и того факта, что он не ошибся, в свое время поддержав молодых бунтарей. Новые литературные и художественные работы Бурлюка подтверждали мнение писателя о его больших задатках и художественном даровании.

«Дорогой Бурлюк, – писал Горький, – книжки Ваши получил, очень благодарен и очень, искренно рад, что Вы, перестав “эпатировать”, решили, наконец, показать, какой Вы талантливый человек». Горький высоко оценил портреты, пейзажи и рисунки Бурлюка в японском стиле, воспроизведенные в книгах “По Тихому океану” и “Восхождение на Фудзи-сан”, и закончил свое письмо следующими словами: “Сердечно поздравляю Вас и желаю от души дальнейших успехов. Жму руку. А. Пешков” [9, с. 168].

Как видно из этого письма и приведенных выше воспоминаний Бурлюка, Горький более всего ценил его талант живописца и рисовальщика. Вероятно, писателю импонировали повышенная экспрессия его полотен, яркие чистые краски и особенно то “бесстрашие пред уродливым” [10, с. 61] в изображении человека, которое в зрелые годы отличало поэтику самого Горького.

Это письмо Горького Бурлюк впервые опубликовал в декабре 1959 г. в своем нью-йоркском журнале “Color and rhyme” (“Цвет и рифма”), № 41, р. 11.

¹ Возможно, имеется в виду упомянутый этюд Бурлюка, приобретенный Горьким в 1915 г.

В России публикация письма стала возможной только в начале “перестройки”.

Вероятно, горьковское письмо долго добиралось до Америки. Бурлюк ответил только через семь месяцев, 6 декабря 1927 г. Это не публиковавшееся ранее письмо сохранилось в горьковском Архиве. Оно напечатано на машинке, дата, последняя фраза и подпись – автограф Бурлюка. Приводим его полный текст:

David Burliuk

2116 Harrison ave Nyc

6 Дек. 1927

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович! Приношу Вам мою благодарность за письмо.

Всю свою жизнь я был искренним поклонником написанного Вами. Ваше творчество было примером, и у Вас, вместе с другими, учился смотреть правде в глаза.

В мои годы сердце человеческое трудно хранит в себе преклонение пред человеком, но Вы для меня были и остались любимым и человеком, и творцом.

Вы не должны обижаться на меня, что, не спросив Вашего разрешения, посвятил “Ошиму” Вам.

О Японии с толком мало написано по-русски книг, и “Ошима”, при всех ее недочетах, как документ очевидца, представляет интерес.

Знаете ли Вы о существовании газеты “Русский Голос”? Я в ней работаю, и в прошлом году мы печатали портрет Бориса Григорьева, написанный с Вас в Неаполе.

Борис Григорьев также сам написал очень интересный очерк, воспоминание о часах, проведенных вместе с Вами.

На днях выпустил поэму, посвященную октябрю; Вам ее тоже посылаю.

Готовлю статью о “Климе Самгине” для “Русского Голоса”.

С любовью и преданностью

David Burliuk [8, КГ-п-13-2-1].

Письмо нуждается в некоторых пояснениях. Книга путевых заметок о Японии “Ошима” (Нью-Йорк: изд. М.Н. Бурлюк, 1927) сохранилась в личной библиотеке Горького. На авантитуле типографским шрифтом напечатано: “Эта книга с любовью посвящается Максиму Горькому, Первому певцу Пролетариата, Великому русскому Писателю и философу”. На книге имеется также дарственная надпись: “Высокоуважаемому Алексею Максимовичу Пешкову в знак безграничного уважения. Давид Давидович Бурлюк. 1927. Ноябрь. Америка” [6, № 2858].

В письме Бурлюка речь идет также о знаменитом портрете, написанном Б. Григорьевым с Горького в Неаполе в феврале 1926 г. Этим портретом

художник очень дорожил, долгое время хранил у себя и продал только в 1938 г., находясь в нужде и будучи смертельно больным. В 1962 г. портрет был привезен в Россию и подарен владельцами Музею А.М. Горького в Москве. Об этой работе Бурлюку в 1927 г. удалось опубликовать статью “Портрет Максима Горького работы Бориса Григорьева” в российском “Журнале искусств”. “Борис Григорьев, – писал Бурлюк, – <...> закончил большой поясной портрет Максима Горького <...> Горький остался очень доволен своим изображением <...> Григорьев в последние годы в Италии изучал кватрочентистов, и в портрете Максима Горького соединены: нервная чуткость, присущая Горькому, и острый лаконизм формы, усвоенный художником от итальянского средневековья...” [11, с. 36].

Воспоминания Григорьева о встречах с Горьким, упомянутые в письме, напечатаны Бурлюком (в литературной редакции М.Н. Бурлюк) под названием “Наброски на песке” в 1951 г. в журнале “Color and rhyme” (№ 23).

Посланная Бурлюком поэма “Десятый октябрь” (Нью-Йорк: изд. М.Н. Бурлюк, 1928) также хранится в личной библиотеке Горького [6, № 2417].

В 1928 г. к 60-летию юбилею Горького Бурлюк написал поэму о своем литературном кумире. Эту поэму, наряду с поэмой о Л. Толстом, приуроченной к 100-летию писателя, он включил в книгу “Толстой. Горький: Поэмы” и послал в 1929 г. Горькому [6, № 2416]. Если раньше, в манифесте футуристов, Бурлюк предлагал “бросить” Толстого с “Парохода Современности”, то теперь он признает его величие, но трактует весьма своеобразно, – как борца за свободу русского народа, защитника бедняков и нищих, – одним словом, как “кротчайшего большевика”. Поэма о Толстом так и называлась – “Великий кроткий большевик”.

В духе советской коммунистической доктрины изображает Бурлюк и фигуру Горького. Горький для него – прежде всего “вестник Революции” и “певец босячества, певец пролетарьята”, “Друг народа” и великий бунтарь. В соответствии с левовской теорией “социального заказа” трактуется и творчество писателя, даже такое сложное полифоничное произведение, как роман “Жизнь Клима Самгина”, по поводу которого сказано: “Выполняет социальный заказ / Горький широким захватом эпохи / На передовых позициях века!” [11, с. 29].

Кратко намечая основные вехи биографии писателя, Бурлюк перечисляет и характеризует его основные произведения: пьесы “На дне” и “Дети солнца” повести “Мать”, “Городок Окуров”, “Исповедь”, “Детство”, “В людях” и др., демонстрируя при этом глубокое знание жизни и творчества писателя. В заключительной главе “М. Горького знает

весь мир” автор ставит писателя в один ряд с великими сынами России: Ломоносовым, Пушкиным, Достоевским, Толстым, Чеховым, Короленко.

Обратившись к созданию поэтического образа знаменитого писателя, Бурлюк, конечно, не мог пройти мимо его изображения в стихотворном “Письме” своего бывшего товарища и соратника по футуризму Маяковского. Эти произведения разделяет менее двух лет, но именно за это время произошли разительные перемены в общественном и литературном положении Горького. Из полуэмигранта он превратился в официально признанного высшим партийным руководством “живого классика”, “первого пролетарского писателя” и заглавную фигуру советской литературы. Вероятно, это обстоятельство только укрепило творческую и личную симпатию Бурлюка к Горькому, для которого писатель всегда был и остался олицетворением России, выразителем ее народной души. Поэтому он не мог не вступить, сознательно или интуитивно, в полемику с Маяковским, с его трактовкой личности любимого писателя.

Эта полемичность особенно ярко проявляется тогда, когда Бурлюк, явно заимствуя у Маяковского отдельные образы, вносит в них совсем иной дух и смысл. Например, он взял из стихотворения Маяковского метафорический образ “горки”, удачно срифмованный с именем писателя, и более тривиально рифмующееся с ним же определение “горький”. Маяковский использует рифмованные слова-образы “Горький – с горки” и “горько – Горьком”, чтобы подчеркнуть статус “Горького-эмигранта”, не только его географическую удаленность от России, но и духовную отстраненность от литературной и общественной жизни советской страны.

Очень жалко мне, товарищ Горький, / что не видно / Вас / на стройке наших дней. /

Думаете – / с Капри, / с горки / Вам видней? [4, с. 207].

И далее, говоря о “поэтах рабочего класса”, он пишет:

Горько / думать им / о Горьком-эмигранте [4, с. 210].

Бурлюк переосмысляет найденные Маяковским образы, чтобы, напротив, подчеркнуть неразрывную связь писателя, его творческого таланта с Россией, ее природой, ее просторами и ландшафтами. И само понятие родины приобретает у Бурлюка несколько иные черты. В отличие от Маяковского, который нигде не называет свою страну Россией, а только Республикой, Бурлюк подчеркивает духовную и кровную связь Горького с той изначальной Русью, по которой, видимо, он сам более всего тосковал в далекой Америке. При этом эпитет “горький” теряет у него морально-осуждающую окраску, а удаленная от России “горка” скалистого острова Капри превращается в знаменитый Волжский откос

в Нижнем Новгороде, где вырос и сформировался будущий писатель:

Страна Россия,	Запах горький
где рос и я...	Трав...
Где росы,	Где Горького
Поросли,	Максима прочитав,
И Россы.	среди дворянских арий –
Где поросли	Поверил всяк: –
Поля полынью,	Мир – пролетарий
А небо синью...	и сверхбоясь!
Где – горки,	[11, с. 26]

И далее, в главке “Как прилетел Буревестник”:

И пришел Максим Горький
С приволжской горки.
Со своей “песней о буревестнике”
Стал – Революции вестником! [11, с. 27]

Интересна не только трактовка Бурлюком личности и творчества Горького, но и отношение к этой трактовке и ее художественному воплощению самого героя поэмы. Судить об этом в какой-то мере можно по многочисленным пометам Горького на книге, сохранившейся в его личной библиотеке.

Горький внимательно прочитал обе поэмы. Больше всего помет он оставил в тех местах, где авангардистское стремление к обновлению речи, к особой энергетике причудливо измененного или вновь придуманного слова приводило к неудачным результатам, делало написанный текст непонятным читателю. Например, в поэме о Толстом он подчеркнул строки: “Толстой пылал в своем костре / Восторга к кизяку и нищему народу”. В двестишести “И мысли шестерни / могучий теют скач...” подчеркнута вторая строка [11, с. 10, 11]. На страницах 12–15 подчеркнуты следующие слова и выражения: “ум, как воск ваш”, “рокфорных книг”, “Ашати из липовой посуды”, “сморкаться – без батиста нос”, “умоуцый царь”, “пришурих бритво-глаз”, “беднячество”, “Вдоль родины зерно взошло” и т.д.

В то же время Горькому, в 1928 г. вступившему в открытую борьбу с русской эмиграцией, видимо, понравилась своим смыслом и прямоотой строка: “Белогвардейцы жалкие”. Он не только подчеркнул ее, но и поставил рядом восклицательный знак.

В поэме “Максим Горький” писатель также подчеркнул строки с неудачными, непонятными, на его взгляд, выражениями: “Из-под царской стрехи / расплескались миски”, “Воткнешься в вечность косо!” [11, с. 27] и т.д. Возле фразы “У телки, муравья не спрашиваешь дважды” [11, с. 31] поставил восклицательный и вопросительный знаки, выражающие недоумение.

Характер помет на этой поэме свидетельствует, что Горький с особым вниманием отнесся к трак-

товке своей личности и творческого пути. Например, он отметил на полях строчки “Теперь бывшие критиканы / Налют в честь Горького стаканы!!!” [11, с. 26], то ли соглашаясь с автором, то ли сомневаясь в его словах. Писатель также подчеркнул упоминание о своем неудачном избрании в Академию наук: «В Академию избрали, / После писем Николая: / Исключить “оригинала!”» [11, с. 28]. В двестишести “Из романтика-идеалиста / Горький стал столпом марксизма!” [И, с. 28] писатель поставил знак вопроса возле второй строки. Он не раз признавался, что считает себя плохим марксистом. В годы первой русской революции Горький сблизился с большевистской группой “Вперед”, члены которой критически пересматривали философские основы учения К. Маркса. Писателю был чужд и даже враждебен жесткий экономический детерминизм Маркса, его учение о свободе как осознанной необходимости. В.И. Ленина, последователя Маркса, Горький всегда считал гениальным политиком, но очень плохим философом. По-видимому, Бурлюк разделял трафаретное представление о Горьком, которое в эти годы доминировало в общественном сознании, насаждалось советскими теоретиками и критиками. Писатель также подчеркнул строку “Горький идеями богаче Вундта” [11, с. 29], выражая, вероятно, с помощью восклицательного и вопросительного знаков недоумение по поводу сравнения своей персоны с немецким психологом и философом Вильгельмом Вундтом, труды которого он, между прочим, хорошо знал.

Словом, пометы Горького на книге Бурлюка свидетельствуют об интересе и внимании к его творчеству и одновременно о неприятии писателем эстетики авангарда, критическом отношении к словотворчеству и речевому новаторству бывшего футуриста.

Бурлюк и в дальнейшем продолжал посылать свои новые труды Горькому. В библиотеке писателя сохранилась его книга “Энтелехизм: Теория, критика, стихи, картины (1907–1930)” (Нью-Йорк: изд. М.Н. Бурлюк, 1930) с дарственными надписями Бурлюка и его супруги: “Алексею Максимовичу Пешкову, в знак великого уважения от автора и издательницы сей книжки. David Burliuk. Мария Никифоровна Бурлюк (издательница), выражая Вам свое почтение, благодарит Максима Горького за его неустанную художественным словом защиту Женщины. Мария Бурлюк. 1930. March” [6, № 2857]. На этой книге также имеются пометы Горького. Тогда же Бурлюк послал писателю еще одну свою книгу “Рерих (Черты его жизни и творчества, 1918–1930)” (Нью-Йорк: изд. М.Н. Бурлюк, 1930), вpletя перед титулом лист с рисунком и дарственной надписью: “Алексею Максимовичу Пешкову, в знак глубокого

уважения. Автор: Давид Бурлюк. С приветом из Америки. 1930 год” [6, № 8649].

Вероятно, в конце 1920-х гг. Бурлюк начал писать мемуары “Фрагменты из воспоминаний футуриста”, куда вошла и глава “Мои встречи с Алексеем Максимовичем Горьким”. Бурлюк, для которого встречи с Горьким стали знаменательным событием его жизни, очень хотел опубликовать эти воспоминания на родине. В Архиве А.М. Горького сохранились гранки журналов “Звезда” и “Ленинград” с мемуарами Бурлюка, но они остались неопубликованными. В 1929 г. поэт послал “Фрагменты из воспоминаний футуриста” литературоведу А.Г. Островскому, надеясь с его помощью издать их в СССР отдельной книгой. Вероятно, в связи с этим замыслом он снова вспомнил о давнем отзыве Горького о футуристах. Возможно, Бурлюк надеялся, что этот положительный отзыв станет пропуском для его книги в Россию. 2 ноября 1930 г. он писал художественному критику Э. Голлербаху: «Я очень хотел бы, чтобы Вы отыскиали Горьковский отзыв о футуристах, весна, 1915 год, в журнале, кажется, “Театр и искусство”» [1, с. 192–193]. Однако, несмотря на все энергичные усилия автора, это издание в то время не состоялось. Книга была опубликована только в 1994 г. Входящие в нее воспоминания о встречах с Горьким частично печатались в книге “Горький и художники” (М., 1964) и в научном издании “Книги. Архивы. Автографы” (М., 1973).

Сведений о том, что Бурлюк посылал свои воспоминания Горькому, обнаружить не удалось. Об отношении писателя к подобного рода мемуарам можно судить по его реакции на книгу одного из родоначальников футуризма, поэта Б.К. Лившица “Полутораглазый стрелец”, повествующую об истории создания и деятельности этой группировки с конца 1911 до начала войны 1914 г. Поэту долго не удавалось ее напечатать. Тогда Горький решил вступить за книгу. В письме критику Б.М. Волину от 25 августа 1933 г. он советовал издать ее, характеризуя при этом футуризм в социологических терминах, присущих тому времени, как бы пытаясь усыпить “бдительность” партийного функционера. “Мне кажется, – писал Горький о книге Лившица, – что она – определенно полезна для нашей литературной молодежи, ибо в ней рассказывается и

разоблачается история возникновения футуризма и сродных ему литературных течений, анархо-буржуазных по их смыслу, резко индивидуалистических. Молодежь наша должна знать эту судорожную историю – частичное отражение агонии буржуазной мысли” [8, ПГ-рл-9-20-1].

Таким образом Горький, поддержавший еще до революции, в 1915 г. молодых бунтарей, поэтов-авангардистов, уже на склоне своей жизни и совсем в другую эпоху вновь заявлял о крупной роли и немаловажном значении эстетической группировки футуристов в истории русского искусства и литературы.

Писатель был тем мощным светилем на литературном небосклоне, которое легко включало в свою орбиту планеты самой разной величины и звездного состава. Не разделяя творческие принципы и эстетические установки авангарда, он с искренним вниманием и интересом отнесся к русским футуристам, сумев разглядеть в их эпатажных выступлениях зерна подлинного таланта, а в их первых поэтических опытах – ростки настоящего искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994.
2. Максим Горький о футуризме // Журнал журналов. 1915. № 1.
3. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. В 24 т. Т. 12. М., 2006.
4. Маяковский В. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 7. М., 1958.
5. Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 29. М., 1955.
6. Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание. Кн. 1, 2. М., 1981.
7. Янгфельдт Бенгт. Ставка – жизнь: Владимир Маяковский и его круг. М., 2009.
8. Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН.
9. Горький А.М. Письма разных лет // Вопросы литературы. 1986. № 6.
10. Горький и советские писатели: Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 70. М., 1963.
11. А.М. Горький в изобразительном искусстве. М., 1969.
12. Бурлюк Д.Д. Толстой. Горький: Поэмы. Нью-Йорк: изд. М.Н. Бурлюк, 1929.